

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF CRIME COUNTERACTION AND ITS HISTORICAL EXPERIENCE

Научная статья
УДК 343.1(019)
EDN HGJPLT
DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(4).440-448

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА: ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
21 июня 2025 г.

Дата принятия к публикации
13 октября 2025 г.

Дата онлайн-размещения
13 ноября 2025 г.

Ключевые слова

История уголовного
судопроизводства; принцип
законности; принцип публичности;
принцип языка уголовного
судопроизводства; принципы
уголовного судопроизводства;
Свод законов Российской империи;
уголовно-процессуальная политика

Аннотация. В статье раскрываются результаты очередного этапа научных изысканий автора, направленных на выявление историко-правовых факторов, во многом предопределивших современное состояние и направления дальнейшего развития уголовно-процессуальной политики как непреложного компонента общей политики государства, проводимой в сфере борьбы с преступностью. В этой связи рассматриваются некоторые веяния уголовно-процессуальной политики «николаевской» России (Российской империи в середине XIX в.), воплощенные в вытекающих из смысла архаичного уголовно-процессуального законодательства принципах уголовного судопроизводства, — именно в них усматриваются отражения многолетней истории российского общества и российской государственности. Анализируются «неписанные» принципы уголовного судопроизводства: принцип законности, принцип публичности (официальности), принцип сочетания письменных и устных форм взаимодействия участвующих лиц, принцип языка судопроизводства. Отдельное внимание уделяется «писанному» принципу формальной оценки доказательств, а также зачаткам иного концептуального подхода к доказыванию — принципа свободы оценки доказательств.

В результате констатируется фрагментарность, дискретность, в определенном смысле условность и неполнота существовавшей в «николаевский» период системы принципов уголовного судопроизводства, ее несоответствие современным представлениям об уголовной юстиции правового государства. Вместе с тем такие принципы расцениваются как отразившие исконные, исторически сложившиеся условия существования и тенденции развития российского народа, во многом предопределившие последующую уголовно-процессуальную, в частности право-творческую, политику Российской империи, Советского Союза, РСФСР, других союзных республик, и даже постсоветской России. И в этой связи возможность ретроспективного и одновременно объективного взгляда на данные принципы расценивается в качестве хорошего подспорья в определении собственного «русского» вектора развития общей политики государства в сфере борьбы с преступностью, в том числе предполагающего стремление к гармонизации с подлинными ценностями и традициями подавляющей массы населения.

Для цитирования. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная политика Российской империи в середине XIX века: принципы уголовного судопроизводства / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(4).440-448. — EDN HGJPLT // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 4. — С. 440–448.

Original article

CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MID-19TH CENTURY: THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2025 June 21

Abstract. The article presents the results of another stage of the author's research aimed at identifying the historical-legal factors that predetermined the modern state and the development prospects of the criminal procedure policy, which is an inalien-

© Россинский С.Б., 2025

Accepted
2025 October 13
Available online
2025 November 13

Keywords

History of criminal proceedings; principle of legality; principle of publicity; principle of the language of criminal proceedings; principles of criminal proceedings; Code of Laws of the Russian Empire; criminal procedure policy

able component of the general policy of the state in the sphere of crime counteraction. In this connection, the author examines some trends in the criminal procedure policy of “Tsar Nikolai’s” Russia (the Russian Empire in the 19th century), as embodied in the principles of criminal proceedings resulting from the archaic criminal procedure legislation, because they may be seen as a reflection of the long history of Russian society and Russian statehood.

The author analyzes the “unwritten” principles of criminal proceedings: the principle of legality, the principle of publicity (officiality), the principle of the combination of written and oral interaction of participants, the principle of the language of court proceedings. Specific attention is paid to the “written” principle of the formal evaluation of evidence, and the beginnings of a conceptually different approach to proving — the principle of the freedom of the evaluation of evidence.

As a result, the author states the fragmentation and discreteness, as well as certain conditionality and incompleteness of “Tsar Nikolai” period’s system of the principles of criminal proceedings, and its lack of correspondence to the modern ideas on criminal justice of a law-based state. At the same time, such principles are viewed as a reflection of original, historically determined realities and development trends of the Russian people, which greatly predetermined the further criminal process and, specifically, lawmaking policy of the Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Soviet Federative Socialist Republic, other SU republics, and even post-Soviet Russia. In this connection, the possibility of a retrospective and, simultaneously, objective view of these principles is seen as a good aid in determining our own “Russian” development vector of the general policy of the state in the sphere of crime counteraction which, among other things, includes a desire for harmonization with the true values and traditions of the majority of population.

For citation. Rossinskiy S.B. Criminal Procedure Policy of the Russian Empire in the Mid-19th Century: The Principles of Criminal Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 4, pp. 440–448. (In Russian). EDN: HGJPLT. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(4).440-448.

Введение

Общеизвестно, что проблемы проводимой Российской Федерацией государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, так называемой уголовно-процессуальной политики, всегда предполагали и продолжают предполагать повышенную степень актуальности, побуждали и продолжают побуждать к дискуссиям и полемическим обсуждениям [1, с. 411–412]. Несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество доктринальных исследований и соответствующих публикаций [1–4], практически ни один так или иначе связанный с феноменом уголовно-процессуальной политики вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски — бессмысленными. Напротив, в настоящее время ввиду переломного момента развития представлений о работе российской уголовной юстиции, обусловленного пониманием неприемлемости полного сохранения советских правил судопроизводства, с одной стороны, и невозможности бездумного перенимания «передового западного опыта» — с другой, указанные вопросы становятся все более и более заметными, побуждающими к все новым и новым раундам научных изысканий.

И действительно, на сегодняшний день в данном сегменте уголовного-процессуальной науки наблюдается достаточно высокая активность, а вниманию читателей предлагаются все новые и новые монографии, статьи, диссертации, прочие публикации. Вместе с тем уважаемые авторы зачастую ограничиваются лишь дотошным анализом и критикой отдельных положений уголовно-процессуального и смежных отраслей законодательства; другие стараются сконцентрироваться на присущих уголовной юстиции практических трудностях; третьи привносят в свои работы элементы компаративистики и т.д. И лишь некоторые ученые пытаются связывать причины существующих проблем и направлений совершенствования уголовно-процессуальной политики с закономерностями и особенностями интенсификации российского общества и российской государственности, в том числе с генезисом доктринальных и нормативных представлений о базовых принципах уголовного судопроизводства.

Правда, для решения подобных задач наиболее обстоятельному историко-правовому анализу преимущественно подвергаются достаточно приближенные к современности этапы развития уголовной юстиции: начиная с

Великой судебной реформы 1860-х гг. и заканчивая самыми последними преобразованиями российского уголовно-процессуального законодательства. Тогда как более ранние исторические периоды, как правило, рассматриваются весьма фрагментарно. В частности, подобной участи обычно удостоивается имевший место в середине XIX в., т.е. предшествующий Великой судебной реформе, так называемый «николаевский» период развития уголовной юстиции. При этом его краткая характеристика зачастую сводится к набору нескольких расхожих негативных штампов, в первую очередь штампов об инквизиционной форме судопроизводства, попрании прав личности, о приоритетности теории формальных доказательств, и завершается общим выводом об абсолютной правильности затеянных «прогрессивным» императором Александром II давно назревших в этой сфере преобразований.

Согласиться с таким скептическим и несколько поверхностным отношением к проводимой в «николаевской» России уголовно-процессуальной политике достаточно сложно. Ведь невзирая на архаичность «николаевского» законодательства, в Российской империи все же существовала более или менее «рабочая» система уголовной юстиции, включающая суды, прокуратуру, полицию, стряпчих и т.д. [5, с. 125–126] и предполагающая достаточно четкие правила осуществления ими предоставленных полномочий, направленных на обеспечение возможности надлежащего применения положений уголовного права в целях поставления судебных приговоров [6, с. 33]. В частности, порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел основывался на нескольких базовых принципах, отражающих многолетние традиции развития российского общества и государства. Именно в них главным образом отражались важнейшие замыслы проводимой правительством императора Николая I уголовно-процессуальной политики Российской империи в середине XIX в.; именно им и посвящена настоящая статья.

Уголовно-процессуальная политика Российской империи и общая система уголовно-процессуального законодательства

А начать хотелось бы с напоминания об отсутствии в «николаевской» России кодифицированного законодательного акта в сфере уголовного судопроизводства. Впервые подобный «кодекс» — известный Устав уголовного судопроизводства Российской империи — был принят

лишь в 1864 г. Тогда как в середине XIX в. правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел находили отражение в подготовленном под руководством М.М. Сперанского [7, с. 179], впервые опубликованном в 1832 г. и затем претерпевшем ряд изменений Своде законов Российской империи. Последний, 15-й том Свода законов, так называемый Свод законов уголовных (далее — СЗУ), предполагал систематизированную совокупность действующих норм «антикриминального» законодательства. Книга (часть) 1 данного тома посвящалась положениям уголовного, а книга (часть) 2 — положениям уголовно-процессуального права.

Таким образом, книга 2 СЗУ не являлась уголовно-процессуальным кодексом в привычном для современных юристов понимании. В нее были включены положения целого ряда принятых в различные исторические периоды, в разных социально-политических условиях нормативных документов, регламентирующих те или иные правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел: от известного Соборного уложения 1649 г. до более поздних актов, появившихся во времена правления Петра I, Екатерины II и даже Александра I [8, с. 3]. По справедливому утверждению Н.Н. Полянского, многие из данных положений возникли в результате обобщения однородных, но присущих разным эпохам приемов расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел [9, с. 238]. А общая парадигма вытекающего из книги 2 СЗУ порядка уголовного судопроизводства предполагала высокую степень преемственности по отношению к немецкому инквизиционному процессу начала XIX в. [10, с. 736; 11, с. 34]. Более того, соответствующие статьи СЗУ изначально даже не имели привычной для современного правотворчества нумерации; необходимость в ней объективно возникла лишь после включения в содержание 15-го тома Свода законов текста Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [10, с. 735]. Поэтому полноценно пронумерованную книгу 2 СЗУ можно обнаружить лишь в третьем издании Свода Законов, опубликованном в 1857 г.¹ К слову, нумерация включенных в ее содержание статей не начинается сначала, а является продолжением нумерации статей книги 1 СЗУ.

¹ Упомянутые далее номера статей СЗУ приводятся именно по состоянию на 1857 г., т.е. отражают содержание третьего издания Свода Законов Российской империи.

Подобная эклектичность уголовно-процессуального права, даже невзирая на предпринятую попытку его систематизации, явно не способствовала надлежащей и единообразной правоприменительной практике, вызывала изрядные затруднения в работе судебных и правоохранительных органов, приводила к излишней волоките [5, с. 129] и забюрократизированности процесса. Тем не менее говорить об абсолютной неработоспособности российской системы уголовной юстиции середины XIX в., конечно, не приходится: для своего времени она являлась вполне сносной, по крайней мере, позволяющей обеспечить возможность надлежащего применения норм уголовного закона. В любом случае книга 2 СЗУ, будучи вполне достойным признания «памятником» публичного права, ознаменовала собой одну из важнейших вех уголовно-процессуальной политики Российской империи, а включенные в нее положения оставили неизгладимый след в истории развития российского уголовного судопроизводства. Поэтому период применения «николаевского» законодательства справедливо оценивается как важный этап развития национального уголовно-процессуального права [12, с. 144].

**Уголовно-процессуальная политика
Российской империи и «неписанные»
принципы уголовного судопроизводства**

Предопределенные проводимой правительством императора Николая I уголовно-процессуальной политикой принципы российского уголовного судопроизводства детерминировали как общие стандарты уголовного правосудия, так и правила осуществления конкретных поведенческих приемов: проведения следственных и прочих требуемых действий, вынесения процессуальных актов и т.д. Другими словами, существовавшим в середине XIX в. принципам уголовного судопроизводства придавался практически тот же смысл, который продолжал вкладываться в соответствующие концептуальные подходы к механизмам уголовной юстиции на протяжении всей последующей эволюции российской государственности и уголовно-процессуального законодательства. Они выполняли роль своеобразных «фундаментных блоков», а в совокупности — цельного правового фундамента для построения «рабочей» системы уголовного судопроизводства Российской империи, обуславливали его форму и содержание, в том числе являлись хорошими «маркерами» для распознавания

его исторического типа, отражали степень правовой защищенности обвиняемых и других вовлекаемых в уголовные дела субъектов.

Правда, в отличие от более поздних периодов развития уголовной юстиции бытовавшим в те годы принципам не была свойственна четкая законодательная легализация, они не предполагали столь заметной формализации, какую, например, можно наблюдать в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Принципы российского уголовного судопроизводства середины XIX в. скорее являлись некими «неписанными» правовыми постулатами, вытекающими не столько из содержания СЗУ, сколько из его «сакрального» смысла, подкрепленного различными правовыми обычаями, устоями, традициями.

Так, важнейшим из «неписанных» принципов российского уголовного судопроизводства являлся принцип законности, сводящийся к потребности в точном и неукоснительном соблюдении, исполнении, использовании и применении судьями, прокурорами, стряпчими, полицейскими чиновниками, прочими субъектами уголовно-процессуальной деятельности положений СЗУ, регламентирующих процедуры предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел. Его бытие предопределялось традиционными для российской государственности подходами к обеспечению возможности реализации уголовного законодательства, а также самим существованием СЗУ — систематизированного источника уголовно-процессуального права (в терминологии того времени — формального уголовного права). В этой связи в ст. 771 СЗУ прямо говорилось об изложении в «сей Книге» правил уголовного судопроизводства: общих — в разд. I–VI и особенных — в разд. VII. А за нарушение некоторых из таких правил предусматривались соответствующие санкции, в частности возможности отмены приговоров либо прочих судебных решений.

В отличие от современных представлений о данном принципе законность российского уголовного судопроизводства середины XIX в. не предполагала четкой дифференциации на материально-правовой и собственно процессуальные компоненты; формальные основания для подобного разграничения возникли несколько позже, в связи с введением в действие Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. Тогда как практически все предусмотренные СЗУ дозволения, предписания, запреты не подразумевали никаких бланкетных гипотез,

никоим образом не зависели от квалификации преступлений и прочих материально-правовых факторов; как правило, они носили процедурный характер и обуславливались потребностью в действенных юридических гарантиях доброкачественности установленных способов решения тех или иных процессуальных задач. Правда, существовали и фрагментарные исключения, например, предусмотренное ст. 798 СЗУ предписание о безусловном прекращении уголовно-правового спора по факту нанесения тяжкой обиды в случае примирения обвиненного лица с уголовным истцом (в современной терминологии — с частным обвинителем). К слову, еще одним из подобных исключений являлось установленное ст. 1067 СЗУ правило, обязывающее суды первой степени (в современной терминологии — инстанции) постановлять приговоры лишь при отсутствии потребности в лишении осуждаемого жизни, чести, доброго имени или торговой казни. В противных случаях, т.е. предполагающих такие потребности, предписывалось ограничиваться лишь судебскими мнениями и передачей всех материалов для постановления приговоров в Палату уголовных судов.

Еще один важный «неписанный» принцип уголовного судопроизводства состоял в его публичности (официальности). В этой связи подразумевалась государственная «монополия» на проведение предварительных следствий и судебных разбирательств уголовных дел; соответствующие властные-распорядительные, в том числе дискреционные, полномочия находились в исключительном ведении специальных государственных органов (как тогда говорили, установлений) и состоящих в них на службе должностных лиц. Согласно положениям гл. 1 разд. 1 книги 2 СЗУ предварительные следствия и действия по исполнению приговоров по общему правилу относились к компетенции полиции, тогда как разбирательства уголовных дел в первой и проверочных (ревизионных) инстанциях — к компетенции судов. В силу существования установленных разд. VII книги 2 СЗУ специальных режимов производства по отдельным категориям дел некоторые из указных задач могли относиться к ведению иных государственных органов, в частности известных имперских «спецслужб» [10, с. 736].

Более того, ввиду явного тяготения установленного СЗУ порядка уголовного судопроизводства к инквизиционному типу многие входившие в его содержание правоотношения являлись

даже не столько публичными, сколько гиперпубличными, зачастую предполагающими «огосударствление» всего. В частности, обвиняемые были лишены ряда необходимых для защиты и в настоящее время воспринимаемых как само собой разумеющихся диспозитивных возможностей (прав), т.е. фактически являлись не полноценными субъектами уголовного процесса, а достаточно бесправными «живыми объектами» уголовного преследования. В частности, для решения стоящих перед уголовной юстицией задач не требовались защитники; обвиняемые не подлежали «предсудебному» ознакомлению с материалами оконченного производством предварительных следствий; существовали и многие другие свойственные инквизиционности атрибуты уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем правила российского уголовного процесса середины XIX в. все же не являлись инквизиционными «в чистом виде». По крайней мере, они не предполагали гипертрофированности традиционно приписываемых данному типу судопроизводства недостатков, в первую очередь той самой пресловутой «античеловечности», самоцельного стремления к издевательствам над обвиняемыми и прочих явных извращений смысла уголовной юстиции, о которых можно с удивлением прочитать в публикациях некоторых представителей так называемой либеральной общественности [8, с. 4]. Напротив, обвиняемым предоставлялось определенное количество процессуальных предпочтений, к слову, значительно большее, чем во многих других европейских монархиях. Например, в соответствии со ст. 887 СЗУ во время предварительного следствия обвиняемому дозволялось «представлять все, что может служить к его оправданию». Кроме того, в ст. 888 СЗУ говорилось о возложении на стряпчих обязанностей следить за правовой защищенностью обвиняемых и содействовать в реализации ими своих прав. Другими словами, устанавливалась своеобразная форма защиты от уголовного преследования и оказания квалифицированной юридической помощи. В силу ст. 907 СЗУ допрос обвиняемого надлежало сопровождать выяснением его отношения к обвинению, а также вопросами о его намерениях представить для своего оправдания какие-либо предметы, документы или сведения. Не менее значимыми возможностями обвиняемые (подсудимые) располагали и в ходе судебных заседаний. Так, в соответствии со ст. 1008 СЗУ судам предписыва-

лось обеспечивать подсудимых «всеми возможными средствами к оправданию», а в случаях обжалования каких-либо «учиненных при следствии нарушений» — полноценно вникать во все обстоятельства и детали случившегося. Кроме того, суды первой степени уполномочивались выяснять у подсудимых о добровольности дачи ими показаний в ходе предварительного следствия (о неприменении к ним «пристрастных» методов допроса) и т.д.

«Неписанным» принципом российского уголовного судопроизводства середины XIX в. также являлось сочетание письменных и устных форм взаимодействия участвующих в нем лиц. Причем в силу все того же тяготения к инквизиционному типу процесса письменности в целом и документированию действий и решений суда, прокуратуры, стряпчих, полиции, иных субъектов предварительного следствия и судебного разбирательства в частности уделялось достаточно много внимания, этому в том числе посвящался ряд положений СЗУ. А самим протоколам, процессуально-резольютивным актам, прочим документам придавалось первостепенное значение в решении стоящих перед уголовной юстицией задач. В свою очередь устность не была столь востребованным условием уголовного процесса. Заметно уступая письменности, устные формы процессуальной коммуникации еще не предполагали широкой распространенности, по крайней мере, по сравнению с укоренившимся позднее уголовным судопроизводством смешанного типа. Такие способы прежде всего были характерны для вербальных, т.е. сводящихся к расспросу и беседе, процессуально-когнитивных приемов, направленных на установление полезных для нужд уголовной юстиции сведений. Например, согласно ст. 901 СЗУ допросы обвиняемых по уголовным делам, возбужденным на основании донесений стряпчих, предписывалось производить в их присутствии, в связи с чем подразумевалась именно устная форма получения показаний, — в противном случае стряпчие просто лишались бы возможности перцепции сообщаемых сведений. Схожие требования, обуславливающие неременность устной формы процессуальной коммуникации, устанавливались и в отношении допроса подсудимого в суде первой степени: в соответствии со ст. 1010 СЗУ допрашивать предписывалось «не в канцелярии, но в присутствии судейском», т.е. в некоем «общественном» месте, отдаленно напоминающем современные залы судебных заседаний.

Вместе с тем не предполагалось другого известного, напрямую связанного с устностью, но свойственного более поздним и «демократичным» формам реализации судебной власти постулата, — гласности, подразумевающей открытость правосудия для «публики», возможность всех желающих, по крайней мере всех соответствующих определенным цензам лиц находиться в залах судебных заседаний, иных местах процессуальных коммуникаций представителей уголовной юстиции со «вторыми» участниками соответствующих правоотношений в целях непосредственного наблюдения за ходом процессуальной деятельности. Из смысла СЗУ, подкрепленного многолетними традициями правоприменительной практики, фактически вытекал принципиально иной, тайный порядок уголовного судопроизводства, основанный на недопущении «посторонних» к расследованиям и судебным разбирательствам уголовных дел, на неразглашении их материалов для «широкой аудитории».

И наконец, российский уголовный процесс середины XIX в. основывался на еще одной «неписанной» юридической аксиоме — принципе языка судопроизводства как официального инструмента коммуникации участвующих лиц, в том числе выражения судьями, прокурорами, стряпчими, полицейскими чиновниками, обвиняемыми и прочими субъектами, своих устных либо письменных волеизъявлений и позиций. Фактически устанавливался мооязычный режим расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Языком судопроизводства «неписанно» признавался великорусский язык, считавшийся родным для подавляющего большинства населения империи. Вместе с тем не существовало никаких официальных запретов на использование иных языков, распространенных в местах компактного проживания крупных этнических групп: малороссийского (украинского), белорусского, польского, финского, татарского, грузинского, армянского, азербайджанского и др. Кроме того, при необходимости судьи и полиция были обязаны приглашать для участия в процессуальных действиях переводчиков. А для некоторых случаев данные предписания четко устанавливались законом. Например, в соответствии со ст. 910 СЗУ такая обязанность предусматривалась для досудебных допросов обвиняемых, «не знающих языка, на коем проводится следствие»; одновременно говорилось об особом «попечении» указанных лиц со сто-

роны «состоящих при следствии стряпчих». Эта же обязанность устанавливались и для судебных заседаний по делам о преступлениях, «чинимых в Финляндии российскими, а в России — финляндскими обывателями». В соответствии со ст. 1579 СЗУ судам надлежало обеспечивать переводчиками всех подобных «обывателей», не владеющих языком судопроизводства.

Уголовно-процессуальная политика Российской империи и «писанный»

принцип формальной оценки доказательств

Из общих веяний уголовно-процессуальной политики Российской империи, предполагающих «неписанность» принципов уголовного судопроизводства, существовало исключение — «писанный» принцип формальной оценки доказательств. В соответствии со ст. 1023 СЗУ устанавливалась четкая дифференциация доказательств в зависимости от их юридической силы — предусматривались так называемые совершенные и несовершенные доказательства [13, с. 72]. Совершенные доказательства изначально признавались наделенными гораздо более высоким потенциалом, тогда как несовершенным отводилась роль второстепенных аргументационных ресурсов. При этом доказательства виновности подсудимого считались совершенными, когда исключали какую-либо возможность «к показанию его невиновности», а одного такого доказательства было вполне достаточно для «признания осуждения несомненным» (читай, для вынесения обвинительного приговора). В противном случае, при допущении вероятности невиновности подвергнутого уголовному преследованию человека, — доказательства его вины предписывалось считать несовершенными [14, с. 41]; каждое из них могло использоваться лишь для выдвижения в отношении лица более или менее предположительного подозрения, тогда как для безусловного признания его виновным требовался достаточный для опровержения невиновности комплекс (совокупность) несовершенных доказательств [15, с. 112].

К слову, оценивать подобную совокупность на предмет некоего «группового совершенства» (читай, достаточности для вывода о виновности подсудимого) надлежало, исходя из результатов исследования несовершенных доказательств, уразумения их информативности (относимости) и достоверности как в отдельности, так и при сопоставлении друг с другом. Одновременно рекомендовалось увязывать силу имеющихся до-

казательств с тяжестью обвинения: чем более тяжкими были обвинения, тем более весомыми должны были быть и доказательства. И таким образом, в российском уголовно-процессуальном законодательстве середины XIX в. уже начинали просматриваться зачатки иного концептуального подхода к доказыванию — принципа свободы оценки доказательств.

Вместе с тем общая концепция доказательственного права оставалась сугубо формальной, свойственной более архаичным, инквизиционным механизмам уголовного судопроизводства. Поэтому в соответствии со ст. 1030 СЗУ «лучшим свидетельством всего света» считалось собственное признание подсудимого, а к условиям его совершенности относились: а) добровольность; б) «учинение» в суде и перед судьей; в) соответствие его содержания обстоятельствам произошедшего преступления («сходность с происшедшим действием»); г) несомненность и очевидность сообщенных сведений (располагая отвечающим данным условиям признанием, судья мог «не опасаться» постановления обвинительного приговора, поэтому какие-либо иные доказательства уже не требовались). Причем добиваться подобного признания рекомендовалось исключительно посредством увещаний и улик, но никак не «домогательств». В этой связи особо подчеркивалось о возможности изобличения человека в совершении преступления и посредством других, т.е. не связанных с признанием, доказательств. Законом также предусматривались основания юридической недопустимости и своеобразной «половинчатости» признания подсудимого, возможность его использования в качестве смягчающего уголовное наказание чистосердечного раскаяния и т.п.

Выводы

Сегодня, спустя без малого 200 лет после введения в действие СЗУ, отраженные в вытекающих из его смысла принципах уголовного судопроизводства веяния, проводимой правительством Николая I уголовно-процессуальной политики представляются достаточно архаичными, не соответствующими современным представлениям об уголовной юстиции правового государства. Более того, система данных принципов вообще видится несколько фрагментарной, дискретной, в определенном смысле условной и явно не охватывающей всех предусмотренных законом правил проведения про-

цессуальных действий, принятия процессуальных решений, иных форм поведения участников досудебных или судебных правоотношений.

Вместе с тем именно такие архаичные принципы, отразившие исконные, исторически сложившиеся условия существования и тенденции развития российского народа, во многом стали основой для последующего правотворчества в сфере уголовного судопроизводства и были учтены при разработке Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. Более того, их «следы» сохранились и в актах уголовно-процессуального законодательства СССР, РСФСР, других союзных республик, и даже в ныне действующем уголовно-процес-

суальном законодательстве. В этой связи ввиду наблюдаемой в настоящее время потребности в определении собственного «русского» пути дальнейшей эволюции механизмов уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего общемировым трендам в сфере уголовной юстиции, а с другой — предполагающего стремление к гармонизации с подлинными ценностями и традициями подавляющей массы населения, ретроспективный и одновременно объективный взгляд на рассмотренные в настоящей статье принципы могут стать хорошим подспорьем в понимании направлений развития современной уголовно-процессуальной политики государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А.И. Александров, под ред. В.З. Лукашевича. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. — 562 с.
2. Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые суждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике / И.Г. Смирнова. — EDN MTHOON // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 3. — С. 61–67.
3. Зайцев О.А. Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: состояние и перспективы / О.А. Зайцев. — EDN WNDSKX // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2016. — № 5 (28). — С. 217–223.
4. Гаврилов Б.Я. Нравственные основы формирования современной уголовно-процессуальной политики: взгляд ученого и позиция практика / Б.Я. Гаврилов. — EDN YVDRLT // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 4. — С. 7–16.
5. Голунский С.А. Право на справедливость / С.А. Голунский. — Москва : ИГП РАН, 2024. — 608 с.
6. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — Москва : ЛексЭст, 2001. — 240 с.
7. Чучаев А.И. Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права / А.И. Чучаев. — DOI 10.31857/S1026945224120168. — EDN QURPTV // Государство и право. — 2024. — № 12. — С. 172–185.
8. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. — Москва : Изд-во М.М. Зив, 1914. — Вып. I. — 306 с.
9. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — Москва : Изд-во Московского университета, 1956. — 271 с.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — Санкт-Петербург : Равена, Альфа, 1995. — 846 с.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 1. — 552 с.
12. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — Москва : Статут, 2016. — 1276 с.
13. Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства / П.И. Дегай. — Санкт-Петербург : типография Министерства государственного имущества, 1847. — 326 с.
14. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. — Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. — 220 с.
15. Жиряев А.С. Теория улик / А.С. Жиряев. — Дерпт : типография Г. Лаакманна, 1855. — 214 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.I.; Lukashovich V.Z. (ed.). *Criminal Policy and Criminal Process in Russian Statehood*. Saint Petersburg State University Publ., 2003. 562 p.
2. Smirnova I.G. Criminal Process Policy: Some Speculations on its Essence, Social Determination and its Place in the Criminal Policy. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2010, no. 3, pp. 61–67. (In Russian). EDN: MTHOON.
3. Zaitsev O.A. Current Criminal Procedural Policy of the Russian Federation: The Status and the Prospects. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2016, no. 5, pp. 217–223. (In Russian). EDN: WNDSKX.
4. Gavrilov B.Ya. The Moral Foundations of the Formation of Modern Criminal Procedure Policy: The View of a Scientist and the Position of a Practitioner. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2021, no. 4, pp. 7–16. (In Russian). EDN: YVDRLT.
5. Golunskii S.A. *A Right to Justice*. Moscow, IGP RAN Publ., 2024. 608 p.
6. Barshev Ya.I. *The Foundations of Criminal Proceedings and their Application in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, LekSEhs Publ., 2001. 240 p.

7. Chuchaev A.I. Development of Criminal Law Legislation in the XVIII — First Quarter of the XIX Century: The Struggle for the Identity of Russian Law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 12, pp. 172–185. (In Russian). EDN: QURPTV. DOI: 10.31857/S1026945224120168.

8. Gernet M.N. *Charter of Criminal Proceedings: a Systemic Commentary*. Moscow, M.M. Ziv Publ., 1914. Iss. 1. 306 p.

9. Polyanskii N.N. *The Issues of Theory of Soviet Criminal Process*. Lomonosov Moscow State University Publ., 1956. 271 p.

10. Cheltsov-Bebutov M.A. *A Course of Soviet Criminal Procedure Law. Essays on the History of Criminal Process in Slave-owning, Feudal and Bourgeois States*. Saint Petersburg, Ravena; Alfa Publ., 1995. 846 p.

11. Foinitskii I.Ya. *A Course of Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.

12. Golovko L.V. *A Course of Criminal Process*. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.

13. Degai P.I. *A View of the Modern State of Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, Ministerstvo gosudarstvennogo imushchestva Publ., 1847. 326 p.

14. Vyshinskii A.Ya. *A Theory of Forensic Evidence in the Soviet Law*. Moscow, NKYU SSSR Publ., 1941. 220 p.

15. Zhiryayev A.S. *A Theory of Evidence*. Derpt, Tipografiya G. Laakmanna Publ., 1855. 214 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinskiy, Sergey B. — Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.